

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Свадебный
кастинг

Повесть

Не так страшен
Босс...

Повесть

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Свадебный кастинг

«Научная книга»

Серова М. С.

Свадебный кастинг / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Оказывается, счастливую спокойную жизнь довольно большого семейства может разрушить всего один телефонный звонок. Девять лет назад в квартиру Соколовых, где жили бабушка, мама и внучка Аня, позвонила некая женщина и соврала, что Аню сбила машина. Трубку подняла бабушка, с которой тут же случился инсульт. Она пролежала парализованной восемь лет, а Аня, вынужденная отказаться от любимого жениха, за ней ухаживала. Кем является женщина, сообщившая по телефону столь чудовищную информацию? А главное, зачем ей понадобилось коверкать чужие судьбы? Именно это и предстоит выяснить частному детективу Татьяне Ивановой по поручению клиента – генерала Максимова, принявшего живейшее участие в семье Анечки Соколовой...

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марина Серова Свадебный кастинг

Воскресенье началось замечательно! Рано утром меня разбудила какая-то пичуга. Она уселась на ветку возле моего окна и самозабвенно выводила свои незатейливые рулады, радуясь приходу нового дня. Я сладко потянулась и подумала: «Как же здорово, что мы с Ирккой встретились!»

Ирка была моей однокурсницей в юридическом институте и до третьего курса, пока она не взяла из-за рождения ребенка академический отпуск, мы с ней довольно близко общались, а потом как-то потеряли друг друга из виду. Пару дней назад мы с ней чисто случайно столкнулись в магазине, но поболтать от души у нас не получилось, потому что и она, и я торопились, вот она и пригласила меня к ним на дачу, где я теперь и пребывала. Она и ее муж Игорь – их сын все лето жил на даче у бабушки – заехали за мной в субботу утром, потому что моя «девятка» была в ремонте, и привезли в этот рай земной, где воздух, напоенный ароматами цветов, больше напоминал духи. Весь вчерашний день мы с ней купались и загорали, и я наконец-то хоть немного почувствовала себя живым человеком, а не машиной по раскрытию преступлений и урегулированию всевозможных конфликтов и прочих неприятностей, которыми так богата наша жизнь. Вечер мы, игнорируя иронические взгляды и ухмылки Игоря, посвятили перемыванию косточек нашим общим знакомым. А еще мы рассказывали друг другу все, что произошло в наших жизнях за то время, что мы не виделись. Узнав, что я не замужем, Ирка возмутилась:

– Танька! В твои двадцать семь лет...

– В наши двадцать семь лет! – поправила я ее.

– Ну, пусть в наши! – согласилась она. – Так вот, в этом возрасте уже просто неприлично хотя бы раз не побывать замужем!

– Зачем, если меня и так все устраивает? – отмахнулась я.

– Просто тебе еще не встретился достойный человек, – весомо сказала она.

Вспоминая сейчас этот разговор, я невольно улыбнулась, и мне на память пришли слова Аркадия Райкина: «Есть люди, которым очень плохо, когда другому хорошо».

Но тут из окна повеяло табачным дымом, и сказочное впечатление от этого утра было испорчено – я не так давно бросила курить и до сих пор маялась, а что делать? Так резко отказаться от многолетней привычки совсем не просто! Я встала, подошла к окну и выглянула в сад – это Игорь на столике в саду резал мясо на шашлык, который планировался на ужин, и курил. Тут к нему подошла Ирка с горой нарезанного лука и сказала:

– Гоша! У нас кетчупа совсем мало. Позвони Генриху и скажи, чтобы купил по дороге. И еще пусть хлеба захватит!

Игорь, не отрываясь от своего занятия, кивнул, а я грустно вздохнула и затосковала, потому что Генрих был компаньоном Игоря по бизнесу, и Ирка мне вчера все уши прожужжала: и умный он, и симпатичный, и состоятельный, а его дура-жена его не оценила и ушла, так что теперь он пребывает в холостом состоянии и является вожаком добычей для особ женского пола.

– Так! – тихонько хмыкнула я. – Намечается сватовство, а это совсем не входит в мои планы. Или его пригласили специально для меня, или меня – для него, но сути дела это не меняет. Надо спасаться!

Я представила себе, как мне придется от него отбиваться, и даже вздрогнула. Ну, на кой ляд мне муж или даже просто постоянный любовник, если мне и так хорошо? Но вот вбить это в голову окружающим у меня пока почему-то не получилось. К тому же, как я поняла, Генрих – заядлый курильщик, а мне теперь такая компания явно противопоказана – еще не

удержусь чего доброго. Оставалось выбрать подходящий момент и смыться – обидно, конечно, но ничего не поделаешь.

Я оделась и пошла на кухню, где хлопотала Ирка. Перехватив пару бутербродов и выпив кофе, я присоединилась к ее хлопотам. Помощница из меня, прямо скажем, так себе, но на подсобных работах и я могу на что-то сгодиться. Покончив с делами, мы пошли на пляж, и я подумала: «Хоть искупаюсь напоследок, а то когда еще такой случай представится? Нарисуеться какое-нибудь очередное дело, и я буду загружена с утра до ночи». Бросив полотенце на песок, я вошла в воду и поплыла, а сама тем временем старалась придумать какой-нибудь веский повод, чтобы уехать и не встречаться с Генрихом, но в голову мне так ничего и не пришло. Немного замерзнув, я вернулась на берег, где загорала Ирка, и начала вытираться, а она, подняв голову, сказала мне:

– Тут твой сотовый надрывался, и я на всякий случай ответила.

– И кто же это был? – встрепелась я и мысленно взмолилась: «Боженька! Пошли мне немедленно клиента! Ну что тебе стоит?»

– Какой-то Савченко по рекомендации Морозова, – лениво ответила она. – Он страшно переживал, что не смог с тобой поговорить, и обещал перезвонить.

– По рекомендации Морозова? – переспросила я. – Это серьезно!

Я взяла телефон и позвонила по последнему оставшемуся в памяти номеру.

– Здравствуйте, я Татьяна Александровна Иванова. Вы мне звонили? – спросила я, когда в трубке раздался мужской голос.

– Да-да! Я вам звонил, – торопливо заверил меня мужчина. – Мне вас рекомендовал господин Морозов. Он сказал, что вам можно полностью доверять. У меня возникла довольно серьезная и неприятная проблема, и я очень прошу вас мне помочь.

– В чем она заключается? – спросила я.

– Не хотел бы обсуждать это по телефону, – уклончиво ответил он и попросил: – Не могли бы вы сегодня же со мной встретиться? Я понимаю, что у вас выходной и вы отдыхаете, но я завтра рано утром улетаю в командировку за границу и хотел бы быть уверен, что в мое отсутствие ситуация еще больше не ухудшится.

– Хорошо! – согласилась я. – Когда и где?

– В пять часов вечера в кабинете господина Морозова вас устроит?

– Вполне! – согласилась я.

– Дело, понимаете ли, очень щекотливое... Деликатное очень дело! И я не хотел бы посвящать в него кого-либо из посторонних. Вы не против? – объяснил он.

– Я там буду! – заверила его я и, отключив телефон, сказала Ирке: – Ну вот и кончился мой отдых. Труба зовет!

– Ты что, хочешь уехать? – воскликнула она и даже села.

– Не хочу, но надо! Причем немедленно! – развела руками я и, подняв полотенце, двинулась в сторону дачи.

– Знала бы я, чем это кончится, ничего бы тебе о звонке не говорила! – ворчала Ирка, спеша за мной.

На даче я быстро переделалась, собрала сумку и вышла к хозяевам.

– Неужели ты даже моих шашлыков не дождешься? – укоризненно спросил меня Игорь.

– Обещаю в следующий раз съесть двойную порцию! – отшутилась я.

Мягко отклонив их уговоры плюнуть на работу и остаться, я настояла на своем: работа есть работа!

– Как же ты добираться будешь? – с жалостью спросила меня Ирка, когда я уже вышла за калитку.

– На автобусе, – беспечно ответила я.

– По такой жаре? – воскликнула она.

– А что делать? – вздохнула я.

– Жалко-то как! – грустно вздохнула она.

– Увы! Нелегко хлеб частного детектива! Клиент для меня – это святое! – развела руками я и, поблагодарив подругу за гостеприимство, пошла по тропинке в сторону остановки.

«Как кстати подвернулся этот клиент со своим звонком! – думала я, медленно бредя между дачными заборами – торопиться мне было незачем, потому что срочность я придумала исключительно для того, чтобы сбежать. – Судя по тому, что Савченко настаивал на встрече именно сегодня, перед его отъездом, речь, скорее всего, пойдет о слежке в его отсутствие за его женой или что-то в этом духе. Не люблю я такие дела, но, как правило, за них хорошо платят, так что приходится мириться. Ничего! Машину из ремонта я завтра заберу и буду во всеоружии. К тому же простое в своей работе я не люблю еще больше».

Размышляя вот так, я шла себе и шла, когда вдруг услышала раздающиеся из-за забора одной из дач детские голоса:

– Боцман! Ну, Боцман! Ну, пофли играть! – уговаривал какой-то мальчик.

– Пофли, повалуйста! – вторила ему девочка.

– Ну, пофли, фто ли! – поддержала ее еще одна.

Заинтересовавшись, я остановилась около сделанного из сетки-рабицы забора, нашла в растущих вдоль него со стороны дачи кустах сирени довольно приличных размеров просвет и, заглянув на участок, увидела сидевшего на скамье под деревом мужчину с газетой в руках, у ног которого лежала большая немецкая овчарка. Стоявшие неподалеку дети – с первого же взгляда было ясно, что они тройняшки, – продолжали уговаривать собаку поиграть с ними, а та хоть и косилась в их сторону и поводила ушами, но с места не двигалась.

– Что, Боцманюга! – рассмеялся мужчина, взглянув на собаку. – Замучили тебя эти разбойники? – Овчарка на это только вздохнула, и тогда он повернулся к детям: – Что же вы все его одного тискаете? Идите вон с Пиратом играйте! – и, показав в сторону большого двухэтажного дома, позвал: – Пират!

Взглянув туда, я увидела большого пушистого черно-белого кота, который важно сидел на навесе над крыльцом и отрешенно смотрел вдаль – видимо, дети и его не обошли своим вниманием, и теперь он спасался от них там. Услышав, что его зовут, он медленно повернулся, и оказалось, что правая часть его морды была белой, а левая – черной; это несколько напоминало повязку одноглазого пирата, что, видимо, послужило поводом для такой клички. Кот равнодушно посмотрел вниз, а потом невозмутимо отвернулся.

– Он тоже не хочет! – сказал мальчик.

– А еще он цалапается! – пожаловалась одна из девочек и продемонстрировала свою ручку.

– И кусается! – добавила вторая. – Вот! – и показала пальчик.

Мужчина засмеялся и позвал:

– Бабка! Мои резервы исчерпаны! Теперь твоя очередь!

На его зов откуда-то из глубины сада вышла пожилая женщина и укоризненно произнесла:

– Дед! Ну ты бы им что-нибудь рассказал!

– Больно им интересно мои истории слушать! – отмахнулся он. – Да и рано им еще!

– Ну, сказку почитал бы! А то у меня варенье пригорит! – не унималась она.

– А пенки уфе есть? – тут же спросил мальчик.

– Есть, Васенька! – улыбнулась она.

– А почему не даешь? – обиженно протянул он и тут же начал командовать: – Мафа! Иди за книфкой! Ты, Таня, калауль деда, а то он опять на лечку сбефыт! А я пока блюдца плинесу!

Одна из девочек тут же побежала в дом, вторая уселась рядом с мужчиной и прижалась к нему, а он ласково ее обнял, а мальчик отправился за любимым лакомством. Скоро вся ком-

пания собралась вместе, дети активно заработали ложками, а мужчина открыл книжку и начал читать:

– В некотором царстве, в некотором государстве...

А я стояла за забором, слушала его, смотрела на детей и вспоминала одно из самых первых своих дел. С чего же все тогда началось?.. А началось все со звонка моего друга Владимира Сергеевича Кирьянова, который в те времена еще не был подполковником милиции, а был... Впрочем, его звание к тому делу никакого отношения не имеет.

Глава 1

Утро было ясным и солнечным, а вот мое настроение – совсем наоборот! Нет, я вовсе не жалела о том, что сменила должность следователя прокуратуры с постоянной и неплохой зарплатой на вольные хлеба частного детектива. Да вот только хлеб этот пока был довольно-таки черствым, ничем не намазанным, в смысле – икрой, и попадал ко мне на стол из-за полного отсутствия клиентов очень редко. Три ерундовых дела, которые я к тому времени успешно завершила, были не в счет: какие дела – таков и гонорар! Мои объявления регулярно печатались во всех местных газетах, что пробивало весьма ощутимую брешь в моем и без того пустом кошельке, а заказов все не прибавлялось. Так что свободного времени у меня было хоть отбавляй, и я имела возможность целыми днями валяться на диване и пялиться в телевизор, потому что за время этого вынужденного бездействия вылизала свою квартиру до блеска, перестирала все, что только возможно, включая шторы, и даже вымыла окна, хотя этого совсем не требовалось. Я уже осатанела от такого времяпрепровождения и готова была взяться за любое дело, когда раздался звонок Кирьянова.

– Привет, Танька! А чего это у тебя телефон не отключен? – язвительно спросил он. – Я ведь думал, что клиенты осаждают тебя днем и ночью и ты от них уже не знаешь куда бы скрыться?

– Не смешно! – недовольно ответила я. – У меня и так настроение поганое, а тут еще и ты со своими издевками!

– Хочешь, я тебя развеселю? – спросил он.

– Анекдот, что ли, расскажешь? – хмыкнула я.

– Можно, конечно, и анекдот, но я о другом, – проговорил он и весело добавил: – Пляши, Танька! Я тебе клиента сосватал!

– Врешь! – не поверила я.

– Сосватал-сосватал! – подтвердил он. – И еще какого!

– Согласна на любого, лишь бы платил! – быстро заявила я.

– Что, с деньгами туго? – спросил он и предложил: – Могу одолжить!

– Ротшильд ты наш! – хмыкнула я и попросила: – Ну, не томи! Говори, кто это?

– Бывший военный комендант Тарасова генерал-лейтенант Максимов Василий Васильевич, – торжественно произнес он.

– Мать честная! – Я даже растерялась. – Да как ты на него вышел-то?

– Это не я. Просто Максимов по старой дружбе обратился к нашему генералу, а тот пришел к начальнику нашего управления, а уж наш начальник поднял по тревоге всех нас – у кого, мол, есть на примете частный детектив? Тут-то я про тебя и вспомнил! – объяснил он.

– Ничего не поняла, – честно призналась я. – А в чем проблема?

– Я, откровенно говоря, не в курсе, – признался Володя. – Знаю только, что дело это давнее и жутко мутное. Одним словом, это какой-то семейный скелет в шкафу, с которым мороки не оберешься. А у нас сейчас такой завал, что только успевай поворачиваться! Вот наш генерал Максиму идею с частным детективом и подкинул!

– И что мне с ним делать? – съехидничала я. – В смысле, не с Максимовым или твоим генералом, а со скелетом? Разобрать по косточкам?

– Вот встретишься с Максимовым, он тебе и объяснит, что с ним делать. Учти, он к тебе уже едет! – предупредил Володя.

– Кто? Скелет? – не выдержала я.

– Если ты и с Максимовым будешь так же разговаривать, то подведешь меня под монастырь – это же я тебя рекомендовал! – серьезно сказал Кирьянов. – Я лично его даже не видел, но, по слухам, характер у него железобетонный и излишней добротой он не страдает!

– Иначе не стал бы генералом! – вставила я.

– Именно! А вот если ты успешно справишься с этим делом, то мне будут честь и хвала, а тебе – гонорар! И кроме того, твои акции поднимутся на такую невиданную высоту, что аж дух захватывает!

– Или ухнут в тартарары! – вздохнула я.

– Смотри не накаркай! – предупредил меня он и добавил: – Ну, ладно! Готовься к торжественной встрече клиента! А если помощь будет нужна, звони – нас тут всех предупредили, чтобы оказывали посильную...

– И даже непосильную! – закончила я.

– Язва ты, Танька! – вздохнул он. – Нет чтобы спасибо сказать!

– А я и говорю: спасибо тебе, Володя! – совершенно искренне произнесла я.

– То-то же! Ну, трудись! Ни пуха тебе ни пера! – пожелал он.

– Пошел к черту! – ответила я.

Положив трубку, я наскоро привела в порядок квартиру, которая и так сияла чистотой, оделась поскромнее и на всякий случай заварила чай – лично я его пью только от великой нужды, но вдруг моему визитеру по какой-то причине кофе вреден.

Минут через пятнадцать раздался звонок в дверь, и я, открыв ее, увидела на площадке одетого в штатское седого худощавого мужчину среднего роста. На вид ему было шестьдесят лет с небольшим.

– Татьяна Александровна Иванова? – спросил он.

– Да! А вы, вероятно, генерал-лейтенант Василий Васильевич Максимов? – спросила я.

– Так точно! – кивнул он.

– Проходите, пожалуйста, товарищ генерал, – пригласила я.

– Лучше обращайтесь ко мне по имени-отчеству, – предложил он. – Мы же с вами не в армии.

– Тоже верно, – согласилась я.

Он прошел в комнату, а вот от предложенного мною чая отказался.

– Так чем же я могу быть вам полезна? – спросила я, усаживаясь напротив него.

– Когда мне назвали ваше имя и возраст, я, откровенно говоря, засомневался, что у вас может что-то получиться – уж слишком вы молоды. А потом подумал и решил рискнуть, потому что женщины обычно более дотошны и чутки к мелочам, чем мужчины, – объяснил он.

– Я постараюсь сделать для вас все, что в моих силах, – серьезно пообещала я.

– Ну, тогда приступим к делу, – сказал он и продолжил: – А оно заключается в том, Татьяна Александровна, что девять лет назад по отношению к очень близким мне теперь женщинам была совершена невероятная по своей циничности подлость. Я вкратце обрисую вам ситуацию, а за подробностями вы обратитесь к непосредственным участникам тех событий. Итак, жила семья: бабушка Татьяна Борисовна, которой сейчас уже нет в живых, ее дочь Людмила Алексеевна Соколова и внучка Анечка. Анечка в то время оканчивала университет. Однажды в их доме раздался телефонный звонок. В квартире была одна лишь Татьяна Борисовна – женщина не только весьма преклонного возраста, но и очень больная. Она сняла трубку, и какая-то мадам очень злорадным голосом сказала ей, что Аню насмерть сбила машина. Татьяна Борисовна души не чаяла в своей внучке, и это известие просто убило ее – она потеряла сознание, упала, и последствия того падения были очень серьезными.

– Но это оказалось неправда? – догадалась я.

– Вот именно! – подтвердил Максимов. – С Анечкой вообще ничего не случилось!

– Какая подлость! – не сдержалась я.

– Я бы выразился покрепче, но не в дамском обществе, – заметил он и продолжил: – Как вы понимаете, это событие сказалось на жизни семьи самым ужасающим образом: Татьяну Борисовну, кажется, парализовало, и она пролежала восемь лет, и все эти годы Анечка пре-

данно ухаживала за ней, поставив крест на своей личной жизни, да и Людмиле Алексеевне тоже приходилось несладко.

– Но кто была та женщина? – спросила я.

– А вот это вам и предстоит выяснить, – сказал он. – Я понимаю, что прошло очень много времени и работы у вас будет предостаточно, но я располагаю большими денежными средствами и хочу найти эту дрянь, чтобы посмотреть ей в глаза и спросить, сделала ли ее счастливой та подлость.

– Я люто ненавижу подлецов обоого пола и сделаю все, чтобы найти эту тварь! – очень серьезно пообещала я. – Но сначала мне нужно поговорить с Людмилой Алексеевной и Анной. Не может быть, чтобы они никогда не думали о том, кто мог совершить это, с моей точки зрения, преступление. Может, у них есть какие-то догадки или соображения, а уж я тогда их все проверю и соберу доказательства.

– Конечно, – кивнул генерал. – Люся знает, что я собрался разобраться в этом деле, и все вам расскажет, а вот Анечка... Видите ли, ей категорически нельзя волноваться, так что вы общайтесь с ней только в самом крайнем случае, если не будет другого выхода.

– А не могли бы вы вкратце рассказать мне о них обоих, чтобы я сумела немного подготовиться к этому разговору, – попросила я. – Я понимаю, что им придется говорить об очень тягостных для них вещах, вот и хочу травмировать их как можно меньше. Я имею в виду, что с Анной мне тоже придется, скорее всего, побеседовать.

– Разумно! – согласился он и, помолчав немного, с нежностью сказал: – Анечка? Так это же настоящее солнышко! Она же меня просто спасла! Когда Мария, это моя жена, – объяснил он, – умерла, я жить не хотел! Представляете, всю жизнь вместе! Все гарнизоны со мной объездила и ни разу ни на что не пожаловалась! А тут! Квартира, дача, машина, деньги! Положение, в конце концов! А она? Присела в кресло, вздохнула и... – Он быстро опустил голову.

– Так умирают только святые, – тихонько сказала я.

– А она такой и была! – уверенно проговорил он. – Я-то в то время уже в отставку вышел. Если бы служил, то легче было бы, голова работой была бы занята, а тут!.. Вернулся с кладбища в пустую квартиру – и хоть вой! Потом бытовые проблемы навалились. Я же никогда не знал, откуда что в доме берется! Мое дело было деньги приносить, а уж все остальное – она! Машенька моя! – с любовью сказал он. – Ну, посоветовали мне в Центр социального обслуживания обратиться. Пришла бабенка и...

– И тут же подумала: «А не стать ли мне генеральшей?» – усмехнулась я.

– Вот именно! – зло произнес он. – И это с полной уверенностью в собственной неотражимости! Какая наглость! Да она Машиного плевка не стоит! Всю квартиру своими дешевыми духами провоняла!

– Ну, вы, естественно, устроили директрисе этого центра генеральский разнос? – практически уверенная в ответе, спросила я.

– Не без этого! – согласился Максимов. – Выслушала она от меня немало лестных слов! Ну, пришла ко мне другая женщина, замужняя...

– А у нее родственница или подруга одинокая, – тут же встряла я.

– С вами неинтересно, – усмехнулся он. – Вы все знаете!

– Просто вы в основном работали среди мужчин и так сильно любили свою жену, что на сторону не ходили, вот женскую психологию и не знаете! – объяснила я и спросила: – А потом наступила очередь Анны, так?

– Да! Помню, пришла она такая запуганная, – рассмеялся он.

– Так ее, наверное, директриса до того заинструктировала, что она и дышать-то боялась! – рассмеялась в ответ я.

– Думаю, да! – согласился он. – А я пил в то время. – Признание далось ему с трудом. – Не запоем, конечно, – этого у нас в роду никогда не было, но бутылку водки в день осушал. Да

еще и курил без меры! Как садился утром в кресло напротив большой фотографии жены, так и сидел, только наливал себе и каждый раз говорил: «За тебя, Машенька!» Ну, вошла Анечка, огляделась... А квартира у меня большая, четырехкомнатная, только очень уж запущенная она тогда была: все пылью покрыто, а под шкапами аж мох лежал, ну и все остальное в том же духе, – пояснил он. – Ну, вошла и робко так говорит, что будет приходить ко мне по понедельникам и четвергам, а еще спросила, что мне нужно. А я ей в ответ: хорошая дорогая водка из расчета бутылка в день, сигареты, хлеб и консервы. Другие-то спокойно это воспринимали, а она, вижу, поморщилась, буркнула что-то себе под нос, но согласилась. Только заметил я, что ей это неприятно.

– Насколько мне известно, водка с сигаретами не входят в перечень тех продуктов, которые социальным работникам приходится носить своим подопечным, – заметила я.

– Но другие-то носили и не роптали! – возразил Максимов.

– Так у них с совестью туговато было, да и нужны им были вовсе не вы, а то, что у вас есть. К тому же с пьющим человеком намного легче справиться, – объяснила я.

– Может быть, – согласился он и продолжил: – Вот так она ко мне два месяца и ходила. Теперь-то я понимаю, как ее тогда все в моем доме раздражало, но открыто она ничего не говорила, а только предлагала иногда: не стоит ли, мол, отнести белье в прачечную или шторы в химчистку, ну и все в этом духе. А мне ни до чего было!

– А потом она не выдержала и сорвалась, – уверенно сказала я.

– Точно! Принесла она мне как-то раз очередной паек, как я его называл, и тут ее проврало! Ох, и отчитала же она меня! – улыбнулся он. – Скандал был ой-ой-ой какой! Я на нее орал, чтобы она не смела вмешиваться в мои дела, мол, мне лучше знать, как себя вести, потому что мне после смерти жены жизнь не в жизнь. А Анечка мне на это кричала, что настоящего горя я не видел, что моя жена в одночасье умерла, а попробовал бы я восемь лет за лежачей больной ухаживать... Но главное, что меня тогда добило, так это ее слова о том, что если бы моя жена могла меня сейчас видеть, то она сразу бы поняла, что посвятила свою жизнь слабому, малодушному человеку. А уже уходя Аня заявила: «Чем мужественно спиваться, не проще ли героически застрелиться?!» – и дверью хлопнула.

– А она с характером! – уважительно сказала я.

– А то! – подтвердил он. – И, главное, она ведь истинную правду сказала: не поняла бы меня Машенька! Она же меня сильным привыкла видеть! Ну, ушла тогда Анечка, а я сел и впервые после смерти жены осмотрелся вокруг. И, знаете, мне вдруг стало так стыдно за то, что я так опустился!

– Надеюсь, вы не стали на нее жаловаться? – поинтересовалась я.

– Конечно, нет! – возмутился он. – Она же мне глаза открыла! Я тогда начальнице ее позвонил и попросил устроить все так, чтобы Анечка работала только у меня.

– Разве это возможно? – удивилась я.

– За деньги и при наличии нужных связей все возможно! – отмахнулся он.

– Представляю себе, что подумали все отвергнутые вами ранее женщины, – покачала я головой. – Они, наверное, решили, что у вас с Анной роман.

– Ну и черт с ними! – отмахнулся он. – Помню, как после этого Анечка пришла ко мне в первый раз! – Он даже головой помотал. – Глаза сердитые, брови насупленные! А я ей сразу вопрос в лоб: а что это ты говорила насчет прачечной и химчистки?

– И дело пошло на лад! – подытожила я.

– Да! – кивнул он. – Пить и курить я тогда, правда, не бросил, но значительно сократил и то и другое, а квартиру мы совместными усилиями постепенно привели в приличный вид. А я сам?... Знаете, Татьяна Александровна, как-то легче мне рядом с Анечкой стало, светлее! Появился человек, с которым по душам поговорить можно! Ну и начал я ей потихоньку рассказывать о нашей с Машенькой жизни, показывал фотографии, а она мне о себе и Люд-

миле Алексеевне говорила. Мы с ней вместе и на кладбище съездили, прибрались на могилке. Анечка даже цветы там посадила. А потом посмотрел я, как она плохонько одета, да и предложил ей взять для себя и своей матери те вещи, что после Машеньки остались, – не выбрасывать же. А вещи все хорошие были – я же жену как куклу одевал! Анечка долго отказывалась, но я ее все-таки уговорил и еще ключ от квартиры дал, чтобы она в любое время приходиться могла. Вот так мы с ней и сосуществовали! Ну, теперь понимаете, Татьяна Александровна, с каким человеком вам разговаривать предстоит? – спросил он.

– С совершенно замечательным, – ответила я.

– Ну, а Люся точно такая же, только постарше, – объяснил он. – Это очень милая, добрая и несчастная женщина... Была! – уточнил он. – То есть милой и доброй она осталась, но вот несчастной я ей больше быть не позволю! – решительно сказал он. – А раз вы все поняли, то можно ехать – я на машине.

Глава 2

Квартира Максимова находилась в центре города на третьем этаже четырехэтажной «сталинки». Он открыл дверь и пропустил меня внутрь. В большой коридор тут же вышла симпатичная женщина сильно за пятьдесят и немного смущенно со мной поздоровалась.

– Люся! Это Татьяна Александровна Иванова, – представил меня генерал.

– Здравствуйте, Людмила Алексеевна! – кивнула я.

– Она частный детектив и будет искать ту мерзавку, которая тебе с Анечкой жизнь изуродовала и бабушку раньше времени в гроб свела, – продолжил генерал. – Ты расскажи ей все, что знаешь или думаешь по этому поводу, и ничего не скрывай! А я пока у себя в кабинете посижу.

Женщина кивнула и предложила мне:

– Пойдемте на кухню.

– Люся! Я не понял! – сердито сказал Максимов. – У тебя что, здесь своей комнаты нет?

– Так мне привычнее на кухне, Василий Васильевич! – начала оправдываться она.

– Опять? – грозно спросил он.

– Простите, Василий, – пролепетала она, но, увидев, как он нахмурился, поспешно поправилась: – Извини, Васенька!

– То-то же! – внушительно сказал генерал. – И перестань себя вести в этом доме как прислуга!

– Хорошо, Васенька! – покорно согласилась она и повела меня в свою комнату, а генерал ушел в кабинет.

Войдя в апартаменты Людмилы Алексеевны, я с интересом огляделась: комната была довольно большой и светлой, с дорожкой обстановкой – гарнитуром из карельской березы. Судя по ее поведению, она чувствовала себя здесь не совсем уютно. Людмила Алексеевна явно нервничала.

– Присаживайтесь, Татьяна Александровна! – радушно, но как-то неуверенно предложила она.

Поняв ее состояние, я заговорщицки посмотрела на нее и предложила:

– А пойдём-ка мы действительно на кухню, Людмила Алексеевна, потому что мне там тоже привычнее!

Она обрадовалась и повела меня на кухню, оказавшуюся длинной – не менее двадцати квадратных метров. Плита и огромный двухдверный холодильник терялись где-то вдалеке.

Людмила Алексеевна быстро приготовила чай – о кофе я даже не заикнулась, потому что его здесь явно не было, – и села напротив меня.

– Что же вам рассказать, Татьяна Александровна? – спросила она.

– Зовите меня просто Таня и расскажите мне все-все-все! – предложила я. – Но сначала подумайте и ответьте, кому, на ваш взгляд, было выгодно совершить это преступление?

– Да мы уж с дочкой чего только не передумали, да ничего так и не пришло на ум! – вздохнула она.

– Тогда давайте начнем с того самого дня, – попросила я.

– Это 31 мая 1994 года было, – начала она. – До конца жизни этот день не забуду! Я, как всегда, к восьми часам на работу ушла – я на заводе тогда работала.

– На каком и кем? – спросила я.

– На станкостроительном. Это его потом развалили и в цехах рынок устроили, а тогда он еще работал, хотя дела шли ужасно! Время-то какое было! Зарплату нам месяцами не платили! А! – махнула она рукой. – Чего теперь об этом! А была я в то время заместителем начальника планово-экономического отдела. Начальником-то я уже потом стала, – объяснила она.

– Значит, на момент трагедии вы были заместителем? – быстро уточнила я.

– Ну да! У нас в июле начальник отдела на пенсию ушел, вот меня и назначили, – ответила она.

– Минутку! Значит, звонок был в конце мая, а место освободилось уже в июле, – медленно проговорила я и спросила: – А были еще претенденты на эту должность?

– Наверное, были, – пожала плечами Людмила Алексеевна.

– Василий Васильевич мне говорил, что ваша мама была очень больным человеком, – сказала я.

– Да! – грустно покивала она. – Она в последнее время и по квартире-то с трудом ходила, да и с сосудами головного мозга беда была – у нее временами очень сильно голова болела и кружилась, а уж волноваться ей ни в коем случае было нельзя.

– А у вас на работе знали, что ваша мама так серьезно болела? – спросила я.

– Конечно! Я же там всю жизнь проработала. Как после института пришла, так до самой пенсии! Да за столько лет я и подружиться со всеми успела, чуть ли не сродниться! Так что все знали. Мы же там делились каждый своим: и радостями, и бедами!

– Поня-я-ятно! – протянула я и добавила: – Простите, а ваш муж?..

– Я как раз Анечкой беременна была, когда он погиб. Он тоже у нас на заводе работал – авария в цеху. Потому-то дочка у меня раньше времени и родилась. Она очень слабенькая была. Мама ее выходила, подняла, потому что я работала – жить же на что-то надо было. Мне временами казалось, что она Аню больше, чем меня, любит, – грустно усмехнулась она. – Просто надыхаться не могла!

– Значит, некто, позвонив и сообщив эту гнусную ложь, мог предполагать, что она вызовет у вашей так любящей свою внучку мамы настолько серьезную реакцию, что вы вынуждены будете оставить работу и, таким образом, уже не сможете занять место начальника отдела? – предположила я.

– Вы думаете, это мог позвонить кто-то из моих сослуживцев? – воскликнула Людмила Алексеевна и уверенно заявила: – Да быть такого не может!

– Увы! Еще как может! – вздохнула я. – Василий Васильевич мне сказал, что вы с Анной очень хорошие люди. Естественно, вам трудно поверить в такую подлость, потому что вы сами на это не способны. Да только не стоит судить о других по себе. На кону стояла должность начальника отдела, а это и оклад совсем другой, и положение.

– Все равно не верю! – твердо сказала Людмила Алексеевна. – Да хоть кого спросите, не было у меня в отделе таких мерзавок!

– И спрошу! – пообещала я. – Только вы мне скажите, кто в то время мог быть в курсе этой подковерной борьбы?

– Кто? – она задумалась. – Да, наверное, замдиректора завода Михаил Григорьевич Гринберг – от него же зависело это назначение.

– А вы не подскажете мне, как его найти, если он, конечно, еще жив? – спросила я.

– Жив, – кивнула она. – Я его недавно с днем рождения поздравляла, и он вроде ни на что не жаловался. Запишите его домашний телефон. – Она продиктовала мне номер и добавила: – Только он вам скажет то же, что и я – никто из заводских этого сделать не мог.

– Посмотрим, – неопределенно пожала плечами я и напомнила: – Вы остановились на том, что ушли в тот день на завод.

– Да-да! А Аня должна была днем пойти на консультацию к своему руководителю дипломной работы, так что дома оставалась одна мама. Мы с дочкой потому и ключей с собой никогда не брали, что мама всегда могла нам дверь открыть. Ну, сижу я на работе, время к обеду, и тут Аня звонит. Плачет навзрыд, голос срывается, я и поняла-то с ее слов только то, что с мамой плохо. Отпросилась я у начальника и бегом домой, благо недалеко было. Прибегаю, а там уже «Скорая». Мама на кровати лежит, – ее голос дрогнул, – а врачи ее смотрят.

Оказалось, что у нее левая половина отнялась – спазм сосудов головного мозга. Врачи хотели ее в больницу забрать, а она заплакала и отказалась, сказала, что лучше дома умрет, рядом с родными. А! – махнула она рукой. – Какие в то время в больницах лекарства могли быть? Тогда врачи сказали, чтобы мы участкового терапевта вызвали, и уехали, а мы остались. Не знали, что и делать! А с Аней еще Виктор был!

– Кто такой Виктор? – спросила я.

– Жених ее! – вздохнула Людмила Алексеевна. – Они тогда только-только заявление в ЗАГС подали.

– А что он собой представлял? – насторожилась я.

– Военфак он в нашем мединституте оканчивал. Сам он из Пензы, семья самая обычная, да я с его родными и познакомиться не успела – свадьба-то расстроилась. Аня с Виктором тогда так подгадали, чтобы пожениться прямо перед самым его выпуском и в его место назначения уже вместе ехать, а то где бы они в нашей квартире жили, если бы раньше расписались? – объяснила она.

– Людмила Алексеевна! А ведь вполне возможно, что кому-то очень не хотелось, чтобы они поженились, – предположила я.

– Да кому? – удивилась она.

– Какой-то влюбленной в Виктора девушке или влюбленному в Анну парню, – объяснила я.

– Да что вы! – отмахнулась женщина. – У Анечки и парней-то никогда не было, она, кроме учебы, ничего и не видела. А на праздники они всегда своей школьной компанией собирались, никак расстаться не могли!

– Но ведь мог же кто-то быть в нее влюблен? – не унималась я. – И потом она могла вам просто что-то не рассказать.

– У нее никогда от нас с мамой секретов не было! Она и с Виктором-то начала встречаться только после четвертого курса и всегда все нам рассказывала! – стояла на своем Людмила Алексеевна.

– А у нее есть близкая подруга? – спросила я, решив, что разговор с той, возможно, поможет мне прояснить этот вопрос.

– Есть, да только после той трагедии они почти и не виделись. Ну когда, скажите на милость, Анечке было куда-то ходить, если она за целый день с мамой так успевала намаяться, что только дожидалась меня с работы, ужином кормила и падала как убитая! Не до подруг ей было. И к нам тоже никто не приходил – какие уж тут гости, когда в доме лежачий больной? Одноклассницы звонили ей первое время, а потом перестали, вот так она и осталась у меня одна-одинешенька! – вздохнула Людмила Алексеевна.

– Понимаю, но телефон и адрес этой подруги вы мне на всякий случай все-таки дайте, – попросила я.

– Да бога ради! Света Ермакова. Они с Аней с первого класса за одной партой сидели. Адрес ее я вам не скажу – не знаю. В смысле, показать бы могла, а так – нет. А вот телефон, пожалуйста!

Записав номер, я спросила:

– Людмила Алексеевна! Уж если Аня вам все-все рассказывала, то не говорила ли она о какой-нибудь девушке, которая была у Виктора до нее? Наверняка ведь он с кем-то встречался.

– Я поняла, о чем вы, – кивнула она. – Только не знаю я ничего. Вы сами подумайте, какой же нормальный мужчина будет своей девушке рассказывать о ее предшественнице? Расстраивать ее...

– Знаете, умные мужчины встречаются довольно редко, а вот самовлюбленные дураки – гораздо чаще, – заметила я. – Ну да ничего! Это я сама выясню. А как фамилия Виктора?

– Чернов он, а по отчеству Александрович, – ответила женщина.

– Так, с этим ясно, – подытожила я и попросила: – Рассказывайте, что там дальше было. Вы остановились на том, что с Аней в тот момент был Виктор.

– Да-да. Значит, Виктор Аню около университета встретил, и они решили пойти погулять – погода в тот день была замечательная. А по дороге она захотела книги и тетради дома оставить, чтобы с собой не таскать. Ну, подошли они к двери, дочка позвонила, а мама ей не открывает. Аня решила, что бабушка просто уснула и поэтому не слышит, и начала громко в дверь стучать, но без толку. Тогда Аня пошла к соседям, чтобы позвонить по телефону, а в трубке услышала короткие гудки. Тут уж она всполошилась всерьез и позвонила в домоуправление, а оно у нас прямо во дворе. Пришел слесарь и вскрыл дверь. Аня с Виктором влетели в квартиру и увидели на полу мою маму, а рядом с ней телефонный аппарат. Аня сказала, что когда бабушка ее увидела, то с трудом выговорила: «Внученька! Живая!» – и заплакала. Это уже потом, когда они «Скорую» ждали, мама Ане рассказала, что ей по телефону наговорили.

– И носит же земля такую гадину! – не выдержала я.

– Да! – горько проговорила Людмила Алексеевна. – И ведь еще счастливо живет небось!

– Что же было дальше? – спросила я.

– Да у Виктора друг был – учились они вместе, а у того отец – профессор медицины, Витя еще через него лекарства для своей мамы доставал. Вот он за ним и поехал, за профессором то есть. Мы его как бога ждали, надеялись, что он нам поможет. Вот тогда Аня и сообщила мне то, что успела у бабушки узнать. Оказывается, ей позвонила какая-то женщина и сказала, что Аню машина насмерть сбила, причем говорила это таким злорадным голосом, с такой ненавистью, что маме стало плохо: голова закружилась – и она упала, а когда очнулась, то поняла, что сама встать не может.

– Эта гадина все правильно рассчитала, – зло сказала я. – Если бы она о вас что-то соврала, то ваша мама могла бы тут же позвонить вам на работу и перепроверить, а вот насчет Ани – нет, потому что сотовых телефонов тогда в Тарасове еще не было. Но пока ясно одно – эта мразь очень хорошо была осведомлена о том, что происходит в вашей семье, а именно: что ваша мама больна и, кроме всего прочего, без памяти любит свою внучку.

– Наверное, так и есть, – согласилась Людмила Алексеевна и продолжила: – Неизвестно, сколько бы мама так пролежала, если бы Аня с Виктором не пришли. Мы ее спрашивали, не узнала ли она голос этой гадины, а она только головой в ответ качала – не узнала. Ну, Виктор профессора быстро привез. Тот посмотрел маму, успокоил ее, сказал, что она скоро поправится, а нам с дочкой в коридоре прошептал, что при мамином состоянии здоровья она уже не встанет, а главное, нам надо готовиться к худшему, к тому, что и вторая половина ее тела отнимется. Так потом и произошло, – с болью в голосе сказала она и попросила: – Вы извините меня, пожалуйста, Таня, но мне надо валерьянки выпить. Я знала, что разговор будет для меня тяжелым, но не предполагала насколько.

– Конечно-конечно! – торопливо ответила я.

Людмила Алексеевна встала, накапала себе лекарство, выпила его и, снова сев, сказала, горестно качая головой:

– И зачем только Василий Васильевич решил старую историю ворошить? Все уже быльем поросло!

– Потому что не хочет оставлять эту подлую тварь безнаказанной!

– Бросьте, Таня! – вздохнула она. – Что мы теперь-то сделать сможем?

– Поживем – увидим, – ответила я и спросила: – А что было потом?

– Ну, мы с Аней мамой занялись, а Виктор тем временем дверь починил. Тут-то Аня его домой и отправила, хоть он и возражал, говорил, что, может, еще чего-то сделать потребуется. А она его все-таки спровадила, сказала, мол, нам с ней кое-что обсудить нужно. Ушел, значит, он, мы маме успокоительное дали, и она уснула, а сами на кухню пошли и стали думать, как нам дальше жить. Я уговаривала Аню, чтобы она на нас не оглядывалась, выходила замуж и

уезжала, а я уволюсь и какую-нибудь надомную работу себе найду. А она наотрез отказалась и все по полочкам разложила – у нее вообще голова светлая.

– И характер, как я поняла, тоже имеется, – добавила я.

– Да! Это она в отца пошла! – покивала Людмила Алексеевна. – Она мне тогда так сказала: «Неужели ты думаешь, что я смогу быть счастливой вдаль от вас, зная, как вы здесь вдвоем мучаетесь? Так что ни о каком замужестве речи больше быть не может! Я остаюсь дома! А теперь давай решать, кто станет работать, а кто за бабушкой ухаживать. Думаю, будет разумно, если я стану сидеть дома, потому что сразу же после университета я хорошую денежную работу не найду. А вот тебе бросать работу ни в коем случае нельзя, тебе до пенсии доработать надо, тем более что тебя собираются повысить».

– Да-а-а! – покачала головой я. – Повезло вам с дочерью! Все при ней: и ум, и характер, и совесть, и чувство долга. А главное, что она вас очень любит!

– Да, но только свою жизнь она этим решением тогда поломала. Ведь как она Виктора любила! – Женщина покачала головой. – Она же рядом с ним вся светилась! А тут решила – как отрезала! Потом Аня Виктору позвонила и о своем решении сказала, а еще попросила, чтобы он ей больше никогда не звонил и не писал и, вообще, пусть, мол, считает себя свободным и устраивает свою жизнь как хочет. Он ей, наверное, пообещал, что ждать ее будет, потому что она ответила: мол, тогда, получается, он будет ждать смерти ее бабушки, а она этого не хочет. Пожелала она ему счастья с другой женщиной и трубку положила. Он ей через пару минут перезвонил и не знаю уж, что говорил, только, если раньше она с ним твердым голосом разговаривала, то тут слышу, чуть не рыдает, но стоит на своем: «Нет!» – и все, а потом шепотом просить начала: «Витенька! Ну не мучай ты меня! Не звони! Забудь! Если действительно любишь и счастья мне желаешь, то оставь меня в покое! Мне сейчас силы нужны, нервы крепкие, а если ты мне постоянно звонить будешь, то я же с ума сойду! Пожалей ты меня! Нет у нас с тобой будущего! Понимаешь? Нет!» – а в голосе слезы. Трубку бросила. Успокоила я ее, как могла, да разве тут утешить, ведь у нее в один момент вся жизнь рухнула. – Она горестно махнула рукой. – Я на работу побежала и отпуск себе оформила, чтобы дать Ане возможность диплом нормально дописать. А потом у нас началась совсем другая жизнь.

– И Виктор так и ушел из жизни Ани? – спросила я.

– Да. Видно, понял он, что Анечке его видеть и слышать больно, вот и исчез, словно и не было никогда. Она даже фотографии его порвала и выкинула, чтобы душу себе не травить, не думать, что могла быть счастливой, да не стала. С тех пор они больше никогда и не встречались!

– Ну и характер! – восхищенно сказала я.

– Характер характером, да только знали бы вы, как она ночами рыдала, закрывшись подушкой, – мы же с ней в одной комнате спали, – тихо проговорила Людмила Алексеевна. – Наверное, думала, что я ничего не слышу. А иногда ночью уйдет, бывало, в ванную, воду там на полную пустит и плачет. Мама очень переживала, что своей болезнью сломала Анечке жизнь. Все обещала долго нас не мучить, говорила, что это скоро кончится, а мы ее утешали и врили, что она обязательно поправится.

– И это продолжалось целых восемь лет! – вздохнула я.

– Да. Представляете себе: бесконечной чередой идут похожие друг на друга дни, они складываются в месяцы, потом в годы, а молодая девчонка, вместо того чтобы радоваться жизни, любить и быть любимой, рожать детей, проводит все время практически взаперти, ухаживая за бабушкой, – со слезами в голосе, как-то отрешенно говорила Людмила Алексеевна. – Знали бы вы, как я проклинала себя за то, что согласилась с Аниным решением остаться! Вы не представляете себе, как больно видеть на лице своей дочери первые ранние морщины и знать, что они появились из-за твоей собственной бесхарактерности!

– Вы все равно не смогли бы ее отговорить, – возразила я.

– Да. Но я могла бы немедленно уволиться и поставить Аню перед фактом, – ответила Людмила Алексеевна. – А я смалодушничаю!

– Ничего подобного! Вы с ней поговорили, разложили все по полочкам и приняли единственно возможное в тот момент решение – вам же нужно было на что-то жить! У вас ведь, как я понимаю, была довольно большая зарплата, когда ее вам выплачивали, конечно?

– Да, на жизнь нам хватало, – согласилась она. – Только доченька моя за эти годы сильно изменилась! Раньше-то она веселая была, а стала... – И она обреченно махнула рукой.

– Не стоит расстраиваться, Людмила Алексеевна, – попросила я, осторожно кладя свою руку поверх ее. – Сделанного все равно не воротишь! Тем более что вы до конца выполнили свой долг перед бабушкой, и вам обеим не в чем себя упрекнуть.

– Спасибо за сочувствие, – слабо улыбнулась женщина. – И вы совершенно правы: для моей мамы мы сделали все, что было в наших силах, чтобы она продолжала жить полноценной жизнью: поставили рядом с ней приемник, а напротив ее кровати – телевизор, и пока у нее еще действовала правая рука, она могла сама переключать каналы. На заводе мне сделали специальную подставку, на которую она клала книги. А вот потом... – Она даже закрыла глаза.

– Потом произошло то, о чем вас предупреждал профессор, – тихо сказала я.

– Да, – кивнула Людмила Алексеевна. – Тут уж Ане совсем тяжело пришлось. Счастье великое, что речь у мамы сохранилась, хоть и невнятная. Но это продолжалось всего год, а что это такое по сравнению с предыдущими семью? – горько усмехнулась она. – И знаете, мама ведь умерла за неделю до того, как мне уходить на пенсию!

– И Анна устроилась в Центр социального обслуживания населения, – продолжила я.

– А куда ей еще было идти? Диплом ее давно уже ничего не стоил – она же ни дня не проработала по специальности, – пожалала плечами женщина. – А я сама устроилась вахтером: сутки через трое – чего мне, я подумала, дома-то сидеть?

– Потом Анна познакомилась с Василием Васильевичем и наставила его на путь истинный, – улыбнулась я.

– Ой, Таня, и не говорите! – сокрушенно покачала головой Людмила Алексеевна. – Мне Аня в тот вечер все рассказала, и я тут же подумала, что больше ей в центре не работать! Стала утешать ее, говорить, что она себе обязательно другую работу найдет, лучше прежней, там, глядишь, и мужчины холостые или разведенные будут, вот она свою жизнь и устроит. А она только отмахнулась – кому, мол, я нужна!

– Так, с этим мы разобрались, – сказала я, резко переводя разговор на другую тему, чтобы отвлечь собеседницу от грустных мыслей. – А теперь скажите мне, не мог ли кто-нибудь из подружек Анны или приятельниц, ну там знакомых всяких завидовать ей в чем-то и постараться сорвать ее свадьбу?

– Не думаю, – покачала головой Людмила Алексеевна. – Она же в основном со своими одноклассницами общалась, а никто у них, насколько я знаю по ее рассказам, на Виктора не зарился – у всех свои пары были, хотя он красивый был парень, высокий такой, статный.

– А в университете?

– Так там если он и появлялся, то всего несколько раз и уже после того, как они заявление подали. Мы с мамой посоветовали ей не знакомить его с однокурсницами – так как-то спокойней, ведь действительно кто-нибудь мог бы попытаться его отбить – Анечка же в женских хитростях мало что понимает. Вот она его на университетские вечера и не приглашала.

– А она сама в его мединститут ходила? – быстро спросила я.

– Да. Они такой красивой парой были! – вздохнула женщина.

– А как звали того его друга, который сын профессора? Как я поняла, это был его очень близкий друг? – поинтересовалась я.

– Звали Николаем, а фамилию не знаю, – развела руками она.

– Ничего, я это сама выясню, – пообещала я. – И так, с работой разобрались, с друзьями-подругами тоже, остаются у нас соседи. Кто из них мог ненавидеть вас настолько, чтобы совершить такую подлость?

– Да вы что?! – удивилась она. – Я же в этом доме с самого своего рождения жила! Я со многими из соседей вместе выросла!

– Это еще ни о чем не говорит, – возразила я. – Некоторые люди годами ждут возможности отомстить! А что может быть для человека страшнее, чем болезнь или горе его близких, а о предстоящей Аниной свадьбе и слабом здоровье вашей матери, наверное, все знали?

– Конечно, знали, но... – Она решительно помотала головой. – Не верю!

– Хотите – верьте, хотите – не верьте, но подумайте как следует и постарайтесь вспомнить, кто из ваших соседей мог желать вам зла, – стояла на своем я. – Или вашей дочери. Или вашей матери. Думайте! – почти приказала я.

– Да мне и думать нечего! – возмутилась она.

– Значит, мне придется проверять все самой, – сказала я и добавила: – Диктуйте адрес.

Записав его, я решила, что для начала я работой обеспечена, а если возникнут какие-то вопросы, то их я задать всегда смогу.

– Ну вот и все! – произнесла я, вставая, и напоследок спросила: – А что случилось с Анной? Почему мне нельзя с ней поговорить? Она что, больна?

– Тьфу-тьфу-тьфу! – суеверно поплевала через левое плечо Людмила Алексеевна. – Не больна она, а беременна! Тройня у нее будет, вот она и лежит на сохранении. И врачи строго-настрого запретили нам ее волновать. Так что вы уж ее не беспокойте!

– Только в самом крайнем случае и только с вашего разрешения, – пообещала я.

Записав их домашний телефон, я пошла попрощаться с генералом. Войдя в его кабинет, я увидела, что он, сидя в большом кожаном кресле, читает газету, и решила осмотреться – когда мне еще представится случай побывать в таких апартаментах? Обстановка была прямо-таки барской: в углу стоял кожаный, под стать креслу диван, огромный двухтумбовый письменный стол располагался у окна, а вдоль стен высились буквально забитые книгами шкафы. Тут Максимов оглянулся и спросил меня:

– Ну, каковы ваши первые впечатления? Узнали, что хотели?

– Кое-что, – неопределенно ответила я. – Но уже сейчас могу сказать, что дело это очень простое и трудоемкое.

– Понимаю, ведь прошло уже много лет, – согласился он и уточнил: – Но разрешимое?

– Сделаю все, что в моих силах, – заверила его я.

– Благодарю! – кивнул он и протянул мне конверт, сказав: – Это ваш аванс, Татьяна Александровна, а если потребуется какая-то помощь, то я и мои связи к вашим услугам.

– В случае необходимости непременно обращайтесь, – пообещала я и вышла.

Когда Людмила Алексеевна провожала меня до двери, я, не сдержав любопытства, тихонько спросила у нее:

– А кто отец детей Анны?

– Это Васенька, – просто ответила она.

Вышла я из квартиры Максимова в полном обалдении. «Непостижимы дела твои, господи! – думала я, спускаясь по лестнице. – Ну ты, генерал, и ходок! И ведь ни словом не обмолвился о том, что у Анны от него дети будут! Да... Странные в этой семейке отношения! Василий Васильевич с Анной не расписался, но перевез Людмилу Алексеевну в свою квартиру и требует, чтобы она чувствовала себя там как дома и обращалась к нему по имени и на „ты“, так же как он обращается к ней. Хотя... Она его ненамного моложе, но... Нет! Это выше моего понимания, так что незачем себе и голову забивать!» Спихватившись, я заглянула в конверт и даже присвистнула – каким бы человеком генерал ни был, скупость точно не была его недостатком!

Глава 3

Вернувшись домой, я первым делом с огромным удовольствием выпила кофе и бросила гадательные кости, чтобы узнать, что меня ждет. Выпало 3 + 20 + 27, а это значило, что меня ждут трудности, но я сумею овладеть ситуацией.

– Ну, что ж. Не самый худший вариант! – вздохнула я и, сварив себе еще кофе, стала размышлять о новом деле.

«Итак, что мы имеем на данный текущий момент? А кучу работы мы имеем! Нужно будет поговорить с Гринбергом и Ермаковой, неведомым мне пока путем установить фамилию друга Виктора, потому что врачей-профессоров у нас в городе хоть пруд пруди, и побеседовать с ним, а еще наведаться по старому адресу Анны и Людмилы Алексеевны и постараться выведать у соседей все, что они знают об этой семье. Да... Хлопот мне предстоит немало, но это все равно лучше, чем целыми днями дурака валять!»

Я решительно набрала номер Гринберга и, услышав в трубке женский голос, очень вежливо попросила хозяина квартиры к телефону.

– А кто его спрашивает? – поинтересовалась дама.

– Меня зовут Татьяна Александровна Иванова, я частный детектив, – представилась я.

– И зачем вам Миша? – удивленно спросила она.

– В свое время в его подчинении работала Людмила Алексеевна Соколова, и я хотела бы выяснить кое-какие обстоятельства, – объяснила я.

– С ней что-то случилось? – не унималась она.

– Нет, она жива и здорова, просто у меня есть вопросы, на которые может ответить только Михаил Григорьевич.

– Ах, какие тайны! – недовольно бросила женщина и позвала: – Миша! Тебя к телефону! Между прочим, частный детектив!

Через некоторое время в трубке раздался мужской голос, и мне пришлось снова объяснять, кто я и почему звоню по этому номеру.

– Ну, так приезжайте ко мне и спрашивайте! – предложил Гринберг и продиктовал свой адрес.

До его дома я добралась быстро. Дверь мне открыл высокий и красивый, несмотря на солидный возраст, мужчина с густой седой шевелюрой.

– Михаил Григорьевич? – уточнила я.

– А вы Татьяна Александровна? – вместо ответа спросил он, и я кивнула. – А документы все-таки покажите! – потребовал он, и я покорно достала из сумки и протянула ему удостоверение частного детектива.

Он посмотрел его самым внимательным образом и только потом, вернув мне, пригласил меня войти. По телефонному разговору с его женой я уже поняла, что беседы наедине у нас не получится, и оказалась права – он провел меня на кухню, где уже сидела пожилая женщина в халате. Она с любопытством посмотрела на меня. Я поздоровалась и присела к столу, а Гринберг спросил:

– Так о чем вы хотели меня спросить?

– Михаил Григорьевич, речь пойдет об одной давней истории. Это случилось в мае 94-го...

– Я понял, о чем вы, – покивал он мне, а его жена тут же спросила:

– И о чем она?

– Видишь ли, дорогая, Соколовой тогда позвонила домой какая-то женщина, а сама Соколова была на работе, и трубку взяла ее мать. Вот ей-то и сказали, что Анну – это дочь Людмилы Алексеевны – насмерть сбила машина, хотя на самом деле ничего этого не было, – объ-

яснил он. – Бабушка после этого слегла. Я не стал тебе тогда ничего рассказывать, чтобы не расстраивать.

– Кошмар! – воскликнула его жена. – Да я бы этих шутников своими руками убила!

– Если это и была шутка, то очень злая, – сказала я. – И вот теперь один человек нанял меня для того, чтобы я выяснила, кто тогда звонил.

– После стольких лет? – с сомнением спросил Гринберг. – Вряд ли у вас что-то получится!

– Я постараюсь сделать все возможное и очень прошу вас мне помочь! – сказала я.

– Миша! Ты ей поможешь! – командирским тоном произнесла его жена, и Гринберг согласно покивал:

– Всем, чем смогу.

– Тогда скажите мне, были ли, кроме Людмилы Алексеевны, другие претенденты на должность начальника планово-экономического отдела? – спросила я.

– Вы думаете, что кто-то мог специально позвонить ей, зная, какие последствия это вызовет, и таким образом вынудить ее уволиться? – удивился он в ответ и, подумав, решительно заявил: – Нет!

– Почему вы так уверены? – спросила я.

– Я вам вкратце обрисую ситуацию, и вы сами все поймете, – проговорил он. – О том, что Илюша уйдет на пенсию, знали все. Может, он и поработал бы еще, но... – Гринберг развел руками, – инфаркт! Ему позволили доработать до пенсии, но фактически всеми делами в то время уже занималась Людмила Алексеевна. Ее работа всех устраивала, и в первую очередь меня, как ее непосредственного начальника. Где-то в апреле сунулись ко мне было две бабенки из отдела: Женя и Валя, но я сказал им твердое «нет»!

– Почему же вы были столь категоричны? – поинтересовалась я.

– Потому, что Валя чистый практик – она по диплому биолог, а у Жени вообще за плечами только техникум. Ну, какие из них начальники? А еще я их предупредил, что если Соколова почему-то откажется, то отдел возглавит дочь нашего генерального директора – она как раз в том году институт оканчивала.

– Вот так сразу и в начальники? – недоуменно спросила я.

– Да не собиралась она на заводе работать! – отмахнулся Гринберг. – Это я нарочно сказал, чтобы их пыл охладить. Генеральный же специально для нее и ее мужа осенью при заводе ООО создал, оклад у этой пигалицы был больше, чем у меня, даже если посчитать все премиальные! – зло заявил он. – Ну и на кой черт этой девчонке завод?

– Так тот разговор состоялся в апреле, а ООО создали осенью, и до назначения Соколовой работники отдела боялись, что их начальником может стать дочь генерального, – задумчиво сказала я. – Иначе говоря, никаких конкурентов после проведенной вами разъяснительной беседы у Людмилы Алексеевны уже не осталось? – расставляя все точки над «i», спросила я.

– Вот именно! – подтвердил Гринберг. – Так что на заводе недоброжелателя не ищите. Ни у кого не было никакого резону ей звонить.

– Вы правы! – согласилась я и поднялась. – Спасибо вам большое, Михаил Григорьевич! Часть проблем я с вашей помощью решила.

– Привет от меня Людмиле Алексеевне передайте, – попросил он, провожая меня до двери. – Раз в ее судьбе принимает участие такой солидный человек, который способен оплатить вашу работу, то, я думаю, у нее все хорошо.

– Обязательно передам! – пообещала я.

Вернувшись домой, я набрала номер Светланы Ермаковой, которая, как оказалось, давно вышла замуж и стала Захаровой, да и жила по другому адресу. Но ее новый телефон я все-таки достала и ей позвонила. Узнав, что речь пойдет о том давнем несчастье, происшедшем с ее подругой, она охотно согласилась поговорить со мной, и мы договорились встретиться на

следующий день на детской площадке в «Липках», где она гуляла днем со своим младшим сыном.

Сделав себе кофе, я устроилась в кресле и попыталась проанализировать все, что успела узнать, но информации было до обидного мало, и я, обнадежив себя тем, что я стою пока только в начале пути, пошла спать.

На следующий день, придя на детскую площадку, я сразу же узнала Свету – она очень подробно мне себя описала. Когда мы поздоровались и я села рядом, она спросила:

– Как там Аня?

– Ничего не могу вам по этому поводу сказать, потому что не видела ее – меня нанял другой человек, – ответила я и попросила: – Расскажите мне о ней поподробнее. Какая она, какой у нее характер, привычки, увлечения.

– Ну, как вам сказать, – задумалась Света. – Анька добрая, отзывчивая, честная и жутко доверчивая – верит всему, что ей говорят, – но и не без характера, хотя нужно здорово постараться, чтобы ее из себя вывести. Но уж если это произошло, то тут только держись! И вместе с тем она очень домашняя – всегда любила готовить, шить и вязать. В школе она была гадким утенком и похорошела только, когда уже в университете училась.

– Что же вас с ней связывало? – удивилась я. – Вы яркая, броская и сразу же видно, что очень эмоциональная и активная.

– Не знаю, – подумав, ответила Светлана и рассмеялась. – Просто, как посадили нас вместе в первом классе, так мы и подружились, срослись, словно сиамские близнецы. Сначала я ее ото всех защищала, помогала во всем... Она же детсадовскую закалку не прошла, ее дома бабушка воспитывала. Анька совсем беззащитная была... Отнимет у нее какой-нибудь мальчишка пирожок, яблоко или еще что-то, а она только стоит и удивленно на него таращится – как же, мол, ты мог такое сделать, так плохо поступить?

– А вы, значит?... – усмехнулась я.

– Ну, а я, конечно! – рассмеялась она и потрясла кулаком. – Так и прошли мы с ней бок о бок всю школу, да и потом как сестры были. Ей можно было рассказать абсолютно все и быть уверенной, что она не проболтается. Только вот с мальчишками у нее никогда не клеилось. Они ее просто не замечали, хотя я всюду таскала ее с собой и просила своих парней, чтобы они познакомили ее с друзьями.

– Неужели за ней совсем никто не ухаживал? – спросила я.

– Пытался один, – улыбнулась Света. – Венька. Это наш одноклассник, – пояснила она. – Тоже тихий такой, домашний... Он в нее долго влюблен был, а она ничего не замечала, хотя я и пыталась не раз ей глаза открыть. Он ее и в кино, и в театр приглашал, а она всегда смущалась и отказывалась. Она даже на школьные дискотеки только под моим конвоем приходила, но танцевала мало и уходила рано, говорила, что не хочет заставлять маму с бабушкой за нее волноваться.

– А где сейчас Веня? – поинтересовалась я.

– Так он, как после школы в Москву учиться уехал, так там и остался.

– А в университете она с кем-нибудь до Виктора встречалась? – осторожно спросила я.

– Да вы что?! – рассмеялась она. – У нее там вообще как-то не сложилось – она же совершенно несовременная: не курит, бокал шампанского – это для нее уже очень много, о сексе, наверное, до сих пор только по книжкам и знает. Так что она все свободное время со мной или с другими девчонками из класса проводила – у нас был очень дружный выпуск, и мы потом еще долго встречались.

Я не стала разубеждать Свету и говорить, что о сексе Аня знает далеко не понаслышке, раз беременна, и покивала головой, а потом спросила:

– О Викторе она вам, наверное, все рассказывала?

– Так мы же вместе с ним познакомились. Дело было летом, в каникулы, как раз перед пятым курсом. Мы с ней в кино сидели – дневной сеанс, естественно, – усмехнулась она. – Аня по вечерам редко из дому выходила. А Виктор там был с другом...

– Николаем? – встрепенулась я.

– Нет, – удивилась она. – С Михаилом, своим бывшим одноклассником, который в юридическом учился.

– А про Николая вы никогда не слышали? – спросила я.

– Естественно, слышала, – подтвердила Света.

– Так, может, вы и фамилию его знаете? – обрадовалась я.

– Представления не имею! Анька говорила просто «Николай» – и все! – пожала плечами она.

– Ничего страшного. Сама узнаю, – успокоила ее я и попросила: – Продолжайте, пожалуйста!

– Ну, наши места рядом были, вот и познакомились.

– Инициатором, конечно же, были вы, – уверенно заявила я.

– Кто же еще? Не Анька же! – рассмеялась она. – Я как увидела, какими глазами она на Витьку смотрит, так и подсутилась – обрадовалась, что в ней наконец-то нормальные женские чувства проснулись, а то она бы еще черт знает сколько времени от парней шарахалась!

– А что представлял собой Виктор? – поинтересовалась я.

– Военная форма любого мужика красит, но он и сам был очень интересный. Скандинавский тип. Светловолосый и голубоглазый, – ответила она. – Но я таких не люблю. Мне больше брюнеты нравятся, так что это я ради Аньки постаралась.

– Вам понравился Михаил? – спросила я.

– Совсем нет! – фыркнула Света. – Но надо же было у него все про Виктора выяснить! А то Аньке и в голову бы не пришло о чем-то его расспрашивать. Да еще и поверила бы всему, что он ей наплетет, а меня не проведешь! Мы тогда после кино по набережной погуляли, мороженого поели, причем Аня все порывалась сама за себя заплатить, – рассмеялась она. – Телефонными обменялись. Потом встретились вчетвером несколько раз, тут-то я у Мишки все и выведала! Надо же мне было знать, свободен для Аньки путь или нет? А то вдруг Витька с кем-то встречается, а Анька ему только для расширения кругозора понадобилась? А потом я этого Мишку быстренько отшила!

– И что же вы узнали? – заинтересовалась я.

– Что путь свободен. Оказывается, Витька до Аньки с одной девчонкой встречался, причем всерьез, – произнесла Света.

– Данные ее не помните? – быстро спросила я, доставая органайзер. Она непонимающе на меня посмотрела. – Ну, имя, где живет, работает и все остальное, – объяснила я.

– А-а-а! Звали эту девчонку Тамарой Герасимовой, и работала она продавщицей в «Доме книги» в отделе научной литературы. Там они и познакомились. Родители – работяги с завода, как и ее старший брат. Встречались довольно долго, Витька уже о свадьбе подумывал...

– А не рано ему было жениться? – удивилась я.

– Так он же в институт после армии поступил, – объяснила Света. – А потом все в один день кончилось. Пришел он к ней, а ее, как потом выяснилось, уже не только дома, но и в Тарасове не было.

– Она от него сбежала? – воскликнула я. – Что же он натворил?

– В том-то и дело, что ничего! Правда, это только с Мишкиных слов. Витька и дома у Тамарки постоянно бывал, и с братом ее на рыбалку ездил, и вообще дело шло на лад. А тут пришел он, а отец Тамаркин его дальше порога не пустил и с ненавистью заявил, чтобы его духу больше у них в доме не было и не видать ему, мол, Тамарку как своих ушей, и добавил, что если Витька еще хоть раз сунется, то он его с лестницы спустит.

– Непонятная история! – озадаченно сказала я. – И Виктор так и не пытался выяснить, в чем дело?

– Он в магазин пошел, а там Тамаркины подружки ему сказали, что и в глаза ее не видели, а заявление об увольнении по собственному желанию начальству ее мать принесла и объяснила: отработать, мол, Тамара не сможет, потому что срочно уехала в другой город к заболевшей родственнице, чтобы ухаживать за ней, – ответила Света.

– Ерунда! Притянуто за уши! – с чувством произнесла я. – Ясно же, что девчонку просто срочно увезли из города, чтобы она с Виктором не встречалась. Но почему?!

– Наверное, родители подумали-подумали да и пришли к выводу, что он неподходящий для их дочери муж. Если рассудить здраво, то кто он? Будущий военврач, родители самые обычные, больших денег не имеют, мохнатой лапы, чтобы на теплое местечко его устроить – в госпиталь получше в каком-нибудь областном центре, – тоже. А это что значит? А то, что хотя бы на первых порах будут гарнизоны, причем черт знает где! А то и в горячую точку пошлют! Вот и думай потом, вернется обратно или нет? И каким вернется: целым или инвалидом? – предположила она.

– Не знаю, как вам, а мне такой подход к выбору зятя не очень нравится, – покачала головой я. – А если эта Тамара его по-настоящему любила?

– Подход просто жизненный, – спокойно возразила Света. – А Тамарка, наверное, действительно его любила, если ее пришлось аж в другой город отправлять.

– Ладно, бог с ней, с этой Тамарой! – закрыла тему я. – И как же у Ани с Виктором отношения сложились?

– Да сначала они часами обо всем на свете по телефону разговаривали, а потом и встречаться наедине начали. Аня, знаете, очень серьезно к их отношениям относилась, хотя любила Виктора сильно – уж я-то знаю! – выразительно сказала Света. – Так что, кроме поцелуев, у них ничего не было. Ну, решили они пожениться, заявление подали, я у нее свидетельницей на свадьбе должна была быть, а тут!.. – Она даже головой покачала. – Своими бы собственными руками эту сволочь удавила! – гневно заявила Света. – Когда с Татьяной Борисовной это несчастье случилось, я прибежала к Аньке, а она аж черная! Рассказала она мне все, поплакали мы вместе, и она меня попросила никогда больше при ней даже имя Виктора не упоминать. Больно ей было! Очень больно! Я потом звонила ей несколько раз, да только ей не до разговоров было. Забегала к ней, а она постоянно то готовит, то стирает, то белье кипятит, то с бабушкой занимается. Тут я и поняла, что ей до моих новостей и сердечных переживаний дела нет – у нее своих проблем выше крыши! Хорошо, что Алексей ей хоть чем-то помогал. Вот так наши пути и разошлись!

– Минуточку! – встрепелась я. – А кто такой Алексей? Людмила Алексеевна мне о нем ничего не говорила!

– Да это, как я поняла, какой-то ее родственник по линии Татьяны Борисовны, потому что он ее «бабой Таней» звал и любил очень. Прямо надыхаться не мог! Хотя я и видела-то его всего несколько раз, но такое трудно было не заметить.

– А что он собой представлял? – начала допытываться я.

– Ну-у-у! Он нас где-то лет на пять постарше был. Симпатичный! Даже очень! Но... Понимаете? Угрюмый такой, неприветливый. Да он больше с Татьяной Борисовной общался. Она его все просила, чтобы он за Аней присматривал, потому что отца у нее нет и защитить ее в случае чего некому будет. Алексей Аню даже «сестренкой» звал.

– И он защищал? – с любопытством спросила я.

– Было несколько раз, – подтвердила она. – Они же не очень богато жили, и Аня все сама себе шила, а у нас в классе была одна такая фифа! Марианна, блин! – фыркнула Света. – Родители у нее в торговле работали, так что разодета она была в пух и прах, всем на зависть. А у Аньки-то руки золотые! Она себе из материнского или бабушкиного платья могла такое

сварганить – никогда не поверишь, что это самопал. Вот Марианна эта гадкая и взялась Аньку изводить, все шпыняла ее, мол, она в обносках ходит. Мы в восьмом классе учились, когда эта стерва на новогоднем вечере Аньку до слез довела, и та в туалет рыдать убежала, а потом вообще домой ушла. А после каникул смотрим, а Марианны-то у нас в классе и нет! Стали интересоваться, мол, куда это она подевалась? Ну и узнали, что подкараулил ее кто-то и налысо побрил. А волосы у нее роскошные были! Бывало, распустит их, так они у нее до пояса.

– Думаете, это Алексей? – усмехнувшись, спросила я.

– За руку не поймала, но думаю, что он, – уверенно ответила Света. – А потом еще случай был, когда один придурок из десятого класса портфель у Аньки вырвал и во двор с ним убежал. Мы, конечно, за ним бросились, а мальчишки-идиоты, оказывается, им в футбол играют. Мяч кто-то забыл принести, и они нашли вот такой выход из положения. Анька – в рев, а что мы, две девчонки, могли с этими обалдуюми сделать? Пока до директора добежали, пока он пришел, портфель в одни лохмотья превратился, так что его оставалось только выбросить, да и тетрадки с учебниками заодно.

– Как я понимаю, этому инициативному балбесу за его проступок неслабо вломили? – усмехнулась я.

– Правильно понимаете! – кивнула она. – Эти же кретины там во дворе до позднего вечера тусовались, вот там-то их и прищучили! Судя по их битым ромам и перекошенным фигурам, накостыляли им от души! – удовлетворенно сказала Света.

– А не мог Алексей этот звонок подстроить? – спросила я.

– Нет! – уверенно и не задумываясь ответила она. – Да и зачем ему?

– Так, может, он счел Виктора недостаточно хорошей партией для своей сестренки? Или сам на нее виды имел? – предположила я.

– Да вы что? – удивилась Света. – С первого же взгляда было видно, что Анька с Витькой любили друг друга! Зачем бы Леша стал счастье своей сестры рушить? А насчет того, что она ему самому нравилась, так нет! Заботился он о ней – это да, но вот любви... Чего не было, того не было! Я бы это сразу заметила! Родственные у них были отношения, и не более того!

– А вы сами никогда не думали, кто мог ту подлость совершить? – спросила я. – Может, кто-то хотел расстроить свадьбу, например? Может, та же Марианна решила отомстить? Или у того придурка ретивое взвырало?

– Конечно, думала! И не я одна. Мы с девчонками всех до единого перебрали, кто мог тогда позвонить, но... – Она развела руками. – Марианна в Ленинград уехала в театральный поступать – родня у них там была, и больше ее здесь никто не видел. Поступила или нет, не знаю, но в Тарасов точно не вернулась. А тот придурок окончил военное училище где-то под Москвой и тоже отбыл по месту назначения.

– Значит, врагов у Ани на тот момент больше не оставалось? – уточнила я.

– Да какие же это враги? – пожалала плечами Света. – Это я знаю, кто им за Аньку отомстил, а они-то не в курсе!

– Тогда кто же это мог быть? – спросила я.

– Не знаю! Если бы Аня ради Виктора какого-нибудь парня бросила – Алексей же не в счет, – то тогда все ясно было бы, но она до него ни с кем не встречалась. Да и Витька свободный был – его же Тамарка сама бросила, а больше у него никого не было. Даже родители его в Пензе жили!

– Значит, вы полагаете, что со стороны Виктора позвонить было некому? – спросила я.

– Получается, что так, – согласилась она.

– А где Виктор жил? В общежитии? – уточнила я.

– Нет, у двоюродной сестры своей матери, – ответила Света. – У той сын военный где-то то ли служил, то ли учился, вот Витька в его комнате и жил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.